

Жил был птице-рыбо-человек, на одну пятую он также был червь, но этого недостаточно, чтобы упоминать здесь. Когда он хотел летать как птица, у него ничего не получалось, т.к. на месте крыльев у него были плавники. Когда же он хотел плавать, его тянуло вверх оперение, а наличие человеческих легких вместо жабр, не давало ему дышать под водой.

Бывало и такое, что он хотел высечь огонь, чтобы согреться, как человек, но и этого у него не получалось, потому что плавники были очень неловкие, и их форма не подходила, чтобы играть роль умелых, человеческих рук.

Птице-рыбо-человек не знал про себя, как он выглядит. Иногда ему говорили что он уродливый, и он представлял себя как какое-то безобразное чудовище, с лицом человека, туловищем птицы, и с хвостом и плавниками рыбы. Тогда ему хотелось плакать. Иногда он также видел свое отражение в озере, но это отражение внушало ему отвращение еще более сильное. Но, тем не менее, точно знать свой внешний вид он не мог, т.к. не мог никак посмотреть сам на себя, а отражение в озере и молва зверей могли лгать.

В минуты сомнений, он спрашивал, обращаясь как бы к самому себе: “Кто я?”. “Ты птице-рыбо-человек.” - отвечал уверенный и громкий голос изнутри ума. “Ты - всё!” - отвечал другой голос откуда-то из живота. Второй голос был тихий-тихий. Ни одному из этих голосов птице-рыбо-человек не верил, но все-равно говорил им: “Спасибо большое”. “Пожалуйста!” - отвечали голоса.

Иногда птице-рыбо-человек пытался прийти в себя. В такие дни он говорил себе: “Тебе нужно оклематься. Забудь, забудь все, и что ты птице-рыбо-человек - забудь.” Но на самом деле он так и не понял, что значит оклематься и прийти в себя, потому что не знал, что такое это “себя”. Все звери и птицы знали, а он нет. Рыбы говорили: “Мы рыбы”. Птицы говорили: “Мы птицы”. И только птице-рыбо-человек не говорил ничего. Вернее он начинал говорить: “Я...” - но тут же запинаясь и не знал что сказать дальше. А рыбы и птицы снаружи тянули его в разные стороны и одни говорили: “Ты птица!”, а другие: “Ты - рыба!”, а человеческий голос внутри говорил: “Ты - человек.”. А сам он не хотел быть ни рыбой, ни

птицей, ни человеком, потому что это накладывало обязательства. Поэтому он старался и птиц, и рыб, и людей обходить стороной. И даже зимой, когда все катались на санях, он стоял неподалеку и играл роль стороннего наблюдателя.

В иные дни ему нравилось в одиночестве валяться и плясать на снегу, но следы, которые он оставлял, казались ему неправильными. Тогда его настигала тоска, и, свернувшись калачиком, птице-рыбо-человек спал в земляной яме. И однажды ему было так холодно и тоскливо, что он решил, что лучше замерзнуть. Тогда он стал чувствовать как сквозь кости, в самое нутро, проникает холод, и он наслаждался этим холодом, потому что знал, что этот холод несет освобождение.

Так и случилось. Одним утром в земляной яме лежал холодный труп птице-рыбо-человека, а его уже не было, была только зима, деревья и снег.